

Автор представлен членом Художественного совета **Михаилом Шербом**

Здесь даже зверь, себя преодолев,
стал человеком в облике зверином,
и в яслях спит его младенец-лев,
и львица-мать укачивает сына,
как ночь – новорождённую звезду.
Открыто всё: дома, амбары, хлев,
и лев с козлом резвятся на земле,
и юноша, сидящий на осле,
беспечно напевает ерунду,
и юноша играет ду-ду-ду
на деревянной дудочке-свирели,
и время проплывает еле-еле,
как пёрышко, высоко над землёй...
Какая это глупость, Боже мой!
И тут же выпадаешь из постели
в предзимний непроявленный рассвет:
стоят солдаты «да», «не знаю», «нет»,
и каждый непременно – только на смерть.
Разгонишься, упрёшься – и привет,
и хорошо хоть – не поднимут на смех,
но будут долго, пристально смотреть,
как ты живешь на четверть и на треть:
беднее всех, виновней – хуже всех.

Лепет

Звуки сбегаются в лепет, всегда – в лепет,
слово – невнятица в мировой бродильне,
слово в давилъне ума, в плавильне идеологии,

безделушка «люблю», безделушка «прощай»,
взлетит на языке бессмыслица «поздно»,
размыкаешь кольцо губ – выговорить не можешь,

в горле громада «память», в сердце дворец Аушвиц,
в ямке между ключицами красный цветок Дахау,
блуждающие огоньки Терезиенштадт, Берген-Бельзен,
Маутхаузен, Равенсбрюк.

Здравствуйте, пан Корчак, как поживаете, мать Мария?

Малый Тростенец под сердцем, в нескольких шагах от дома.
Ежевечерне ложишься в свою постель,
целуешь детей,
шепчешь: «Спокойной ночи...»

Из Бабьего Яра в густой тишине: - Агу!
Автоматная очередь новостной ленты,
флаги и крики и флаги и кровь и пот.

Сходим с тобой со свечкой на Куропаты,
посидим, помолчим, покурим, заводы хоботы вытянут
в разреженную пустоту атмосферы,

и если каждый замученный хрипло попросит: «Воды!»,
если каждая просьба будет услышана,
нас ждет великий потоп, и новый Ной –
кроткий бездомный с Киевского вокзала,

свита его – старая дворняга, черная кошка
с выводком тощих котят,
вокзальные голуби, вороны и воробьи.

В каждом флаге сидит мутноглазый бес,
но белые флаги чисты – я пою белые флаги.

Хоботы заводов сосут пустоту,
и если нет сил произнести «люблю»,
остается жалость и нежность,
нежность и жалость.

1.

весной и осенью (не говори «недуг»)
вся радость мира, полнота его –
в колыске кровяной – мой тихий друг,
мой желторотый желудь.

пройдет навывлет бестелесный ствол,
и взвоет ветер в дырочке сквозной,
и миру ближнему, что сир и гол,
я стану голубиною женой.

и запоем в пробойну сквозняк,
со всех сторон – из темноты моей,
из птичьей кроны, с блеклого асфальта,
из окон приоткрытых –

грудное голубиное курлы,
и низкий свист с окраинных полей.

пока мы мастерим себе гробы
из пестрого земного праха,
у голубей вздымаются зобы
и птахе отдается птаха.

2.

а дуб растет все выше – и звезду щекочет,
и у звезды горячая щека,

и ждут дары –
взбирайся же, не дрейфь,
как девочкой любила всех дерев
достать вершины,

пока внизу, в своей норе,

точил тоску король мышинный.

и тонкий ангел меленку дарит
и на своем наречье говорит.

не важно, что ни слова не поймешь,
но сыплется волшебное зерно,
и полон стол, за ним людей полно...

3.

в такой вот день под ангельский трезвон
или уйти в корней глубокий сон,
или остаться как росток – навывлет,
и дерзкий мальчик спросит: - а не вы ли
здесь обронили медную звезду?
а можно я вас в Питер увезу
и буду там на каждом перекрестке
в обветренные губы целовать?